

УДК 81'42: 070

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ПЕРИОДИКЕ

Дмитрий Владимирович Офицеров-Бельский

к. истор. н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин

НИУ Высшая Школа Экономики (Пермь)

614070, Пермь, ул. Студенческая, 38. DmitriyBelskiy@gmail.com.

В современной Польше пресса стала главным источником формирования образа России. Русский дискурс достаточно медленно пополняется новыми символами, знаками и связующими идеями. Отчасти это связано с тем, что сложившийся комплекс стереотипов относительно России важен для польского общества как элемент собственной идентичности. Репрезентация современной России в польской прессе достаточно ограничена – публицистическая риторика базируется в основном на весьма нешироком наборе топосов. При этом, как отмечается в статье, в последние годы происходит деформация топосов, а также их наложение друг на друга, меняется типичный набор коннотаций и сокращается их разнообразие. Одновременно наблюдается тенденция к деперсонификации образа России – он становится одновременно и менее вариативным, и негативным. Отказ от сложносоставного восприятия говорит о достаточно далеко зашедшей информационной войне и влиянии пропаганды на том глубинном уровне, на котором рождаются или трансформируются стойкие стереотипы и эмоциональная память общества.

Ключевые слова: образ России; Польша; пресса; социальный стереотип; пропаганда; топос; межкультурные коммуникации.

Новый 2015 г. должен был начаться как год Польши в России и год России в Польше. Однако по инициативе Варшавы в Польше он не состоится, а российские власти решили симметричными мерами не отвечать. Попытка приостановки культурного диалога не кажется удачной идеей, если учитывать глубину исторических взаимосвязей двух народов.

В сравнении с европейским восприятием, в Польше не склонны говорить о «загадках русской души» и полагают, что знают Россию намного глубже, можно сказать интимнее.

Исследовательский интерес к прессе неслучаен – в современной Польше именно она стала главным источником формирования образа России. Прежде стереотипы создавались, реконструировались и деградировали под влиянием широкого спектра факторов. Однако в настоящее время личные контакты уже не обладают прежней плотностью, знание русского языка не является привлекательным, а российская культура хотя и продолжает оказывать влияние на все поколения поляков, но в основном по-прежнему её старыми образцами. Там же, где речь идет о современной русской литературе, издаваемой в Польше, имеет смысл вести разговор о восприятии текстов наряду с их авторами. В частности,

самыми издаваемыми в Польше российскими писателями являются Б. Акунин и Л. Улицкая, которые в большей степени известны польскому читателю не благодаря своим книгам, а из прессы и, главным образом, по причине своей гражданской позиции.

В наблюдаемом сегодня социально-культурном пространстве очевидна трансформация взаимоотношений человека и информации. Источники информации становятся более разнообразными, а типичное её потребление – перманентным. Кроме того, усиливается стремление к получению разных интерпретаций одного события. Современные СМИ характеризуются высокой степенью оценочности, акцентированием событий негативного или даже катастрофического плана, огрублением публичной речи, повышенной интертекстуальностью, увеличением массива публичной фактической речи.

Публицистические тексты особенно быстро реагируют на изменение общественного восприятия той или иной проблемы или темы. Оценочный аспект служит своеобразным «зеркалом», в котором можно увидеть взаимовлияние действительности и человека.

Тексты о России – неотъемлемая часть ведущих польских газет: «Rzeczpospolita», «Gazeta

Wyborcza», «Wprost», «Polityka», «Gazeta Polska». Безусловно, каждая из них обладает определенной ангажированностью, но сразу можно подчеркнуть, что серьезных различий в плане системных и спонтанных целей, а также способов репрезентации России выявлено не было. Достаточно общим характером обладают тематика, употребляемые символы и знаки в нарративе. Характер статей о России единый, и в них преобладает политический дискурс, причем эта тенденция усиливается в последние несколько лет.

Читатели вышеперечисленных газет, как, впрочем, и большинства остальных, – люди среднего или преклонного возраста. В целом пишущие журналисты несколько моложе своей аудитории, но, как правило, затрагивают определенный набор топосов, сформировавшихся десятилетия, если не столетия назад. Поэтому русский дискурс, причем не только в периодике, имеет в значительной мере исторические корни. Он особенно стабилен в любого рода письменных формах, тогда как в устных практиках русский дискурс более изменчив и вариативен.

По мнению польского исследователя М. Флейшера, если речь идет о России, Германии или Европе, то в действительности мы имеем дело с культурными конструктами, а не с реальными явлениями [Fleischer 2004: 7]. Семантизированные формулы, относящиеся к России и русским, функционируют в фольклоре, литературе, частных беседах и в прессе. Эти стереотипы представляют собой определенный набор знаков, которые существуют в языке. Выражаясь словами Е. Бартминского, стереотипы живут в языке [Bartmiński 2007: 304].

Русский дискурс в целом и в польской периодике в частности достаточно медленно пополняется новыми символами, знаками и связующими идеями. Отчасти причиной этого стало то, что с середины 1990-х непосредственные индивидуальные контакты стали реже, а масштабная польская трудовая миграция в Европу помогла установить замещающие коммуникации. Кроме того, русская культура перестала предлагать достаточно притягательный и конкурентоспособный продукт. Поэтому значение разнообразных СМИ в формировании образа России и россиян существенно возросло. Однако польские журналисты – люди, в основном принадлежащие к молодому поколению, – плохо знают современную Россию. Приезжая, они редко оказываются за пределами Москвы и Санкт-Петербурга, и для них проще и логичнее ставить знак равенства между Россией и Кремлем, а в отношении российских регионов воспроизводить столичные стереотипы о провинции и невыносимой тяжести бытия среди бескрайних снегов.

Образ России в части её исторического прошлого и культурной традиции гораздо разнообразнее и богаче по сравнению с репрезентацией современной России в польской прессе. Публицистическая риторика в основном базируется на одном и том же ограниченном наборе топосов, которые охотно воспринимаются в письменных текстах, но редко воспроизводятся в разговорных практиках.

Понятие «топос» употреблял еще Аристотель, понимая его достаточно широко. Он использовал его в «Физике», «Топике» и «Риторике». К последнему трактату восходит распространенное современное понимание в качестве общего места «для рассуждений о справедливости, явлениях природы и многих других предметах» [Аристотель 2000: 47]. Трактат Аристотеля, А. Ф. Лосев определяет топосы как «те или иные факты жизни и мысли, которые способны сделать наш силлогизм вполне убедительным, несмотря на его материальную нелепость или просто непонятность» [Лосев 1975: 715].

А. М. Панченко обращает внимание на то, что в топосах «нераздельно слиты аспект поэтический и аспект нравственный», и полагает, что «следует говорить не просто о топике, а о национальной аксиоматике» [Панченко 1986: 246]. В данном случае топосы выступают в качестве хранилищ культурной традиции и в то же время дают возможность для выражения актуального содержания.

Топос служит основой восприятия и языковой игры. Топосы конвенционально обусловлены и являются дологической формой (но не досознательной). Дологичность топоса состоит в том, что его система не чувствительна к логическим противоречиям. Примером могут быть пословицы и поговорки любого народа – их общие места нередко содержат взаимоисключающие положения.

Топосы, в сущности, коммуникативны и напрямую связаны не с производством выводов, а с аргументацией и со стремлением сделать выводы удобными для восприятия. Многочисленность топосов в публицистических текстах является нормой, но их обилие в том или ином дискурсе свидетельствует о его внутреннем напряжении, дискуссионном, энергичном и зачастую эмоциональном характере.

Типичным синонимом России является «империя», что сразу же определяет коннотации семантического и стилистического плана. Источником таких коннотаций является, прежде всего, то, что этот топос имеет важное значение как маркер преемственности современной России с её прошлым, которое в исторической памяти поляков имеет в основном негативные ассоциации. Кроме того, он содержит также значения, уника-

лизирующие Россию в ряду других современных стран. Обычные в этом случае коннотации содержат смыслы господства и подчинения, эксплуатации и восстания, угрозы, могущества, авторитарного устройства, определенной архаичности и т. д. Например, частыми связанными словосочетаниями являются «тюрьма народов», «жандарм Европы». Эти выражения появились в далеком прошлом и при отличных от современных обстоятельствах. Тем не менее они сохраняют постоянную включенность в письменные тексты, что способствует архаизации их смыслового содержания.

Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, можно «говорить о бесчисленных материях, которые никогда не были даны мне в ситуации лицом к лицу, включая и те, которые я никогда не переживал и не буду переживать непосредственно. Так что язык может стать объективным хранилищем огромного разнообразия накопленных значений, жизненного опыта, которые можно сохранить во времени и передать последующим поколениям». То есть имеет смысл говорить не только об отражательной функции языка, но и об аккумулярующей: знания и предзнания, эмоциональные следы, типичные поведенческие императивы [Бергер, Лукман 1995: 27].

В начале 2000-х гг. топос «империя» преимущественно был связан с темой российского архаизма и отсталости. Статьи журнала «Впрост» («Wprost») часто демонстрировали такие заголовки, как «Бояре Путина» (Bojarzy Putina) [Ślubowski 2001], «Ненавязчивый урок царизма» (Dyskretny urok caratu) [Ślubowski 2001]. Но уже тогда в периодике постепенно начинали появляться тексты, заголовки и содержание которых указывали на российский («путинский») реваншизм. В тех случаях, когда речь идет о внутри-российских социально-экономических проблемах, в дискурсе преобладают знаки, связанные с архаикой. Однако в тех темах, в которых фигурирует Владимир Путин, или в теме внешней политики – хотя сложно найти тексты, в которых они не присутствуют вместе, – в большей степени просматриваются коннотации с имперским и советским прошлым. К примеру: «Союз Зависимых государств» (Sojusz Podległych Państw) (статья, посвященная российской политике в СНГ) [Ślubowski 2000], «Владимир Ильич Путин» (Władimir Iłjicz Putin) (статья, посвященная культуре личности Владимира Путина) [Ślubowski 2002]; «Березовский как Троцкий» (Bieriezowski jak Trocki) [Ślubowski 2007].

Причем аллюзии с имперским прошлым в польской периодике сочетали настороженность с сомнением и сарказмом. Например, статья «Карликовый гигант» (Gigant karłowaty) сопровождает

еся подзаголовком «Россия Путина не является и не будет мировой державой», а посвящена арктической экспедиции под руководством полярника А. Чилингарова [Ślubowski 2007].

В последние годы, даже до обострения отношений России с Западом, в польской периодике стал существенно меняться тон и, главным образом, содержание имперского топоса.

В 2012 г. К.Зельке, автор «Газеты Польской» задается вопросом – «Сможет ли Польша себя защитить?» [Zielke 2012]. Отталкиваясь от рассуждений Д. Фридмана (американского аналитика-международника), автор пытается провести анализ того, выдержит ли Польша три месяца оборонительной войны с Россией.

Статьи 2014 г. демонстрируют эту тенденцию более явно. «Россия тверда, ЕС беспомощен» [Bielecki 2014], «Польские правые националисты на поводке кремлевского национализма» [Maziariski 2014], «Путин на троне Ивана Грозного» (Putin na tronie Iwana Groźnego 2014), «Шантаж кремлевских пропагандистов» [Memches 2014]. Вообще, слово «Кремль» и его производные становятся основой для наиболее эмоциональных и агрессивных текстуальных построений. Так, часто встречаются выражения типа «кремлевская пропаганда», «кремлевский трон» и т. д.

Наряду с повышением градуса напряженности и озабоченности российской угрозой, в прессе укрепляется и противоположный тренд – указания на слабость России и, особенно, российской власти. В целом, также рисуется картина империи, но не блистательной и сильной, а неуправляемой и погрязшей в собственных противоречиях. Возрастает количество статей с заголовками: «Россия без коррупции не существует» [Cięślak 2014], «Бывший советник Кремля: Система Путина сыпется» (Były doradca Kremla... 2012), «Великое поражение Путина» [Radziwinowicz 2011]. Контраст между демонизацией и одновременными указаниями на слабость «врага» лишь на первый взгляд может показаться иррациональным. По сути, это одно из ключевых правил информационной войны.

Топос «империя» является особенно важным в интерпретациях современной российской внешней и внутренней политики. Например, он часто употреблялся во время активной фазы чеченского конфликта, частотен и теперь, в период украинского кризиса. Но он служит также источником рефлексий на польскую историю и современность, на свойства и угрозы собственной идентичности. Это вопросы сопротивления российскому имперству, опасения собственной слабости, потребности в надежной вовлеченности в НАТО, глубокой интеграции в ЕС. Достаточно часто имперский образ России выполняет служебную

функцию и необходим для того, чтобы ярче сформировать образ того или иного польского политика. Реже всего этот инструмент употреблялся для популяризации бывшего премьер-министра Д. Туска, а чаще всего в связи с бывшим министром иностранных дел Р. Сикорким.

Еще один топос можно обозначить как «дикий Восток». Он не только несет дескриптивные функции, но и является весомой частью в определении собственно польского самосознания. Типичными коннотациями являются угроза с Востока, глубинный барьер между Россией и Польшей (представляющей западную цивилизацию), собственное культурное превосходство, бедность и коррупция на Востоке, несовершенство государства, покорность общества, примитивность индивида. Пример такого подхода демонстрирует статья под названием «Путинбаша» [Urbanowicz 2004]. Статья «Пьяная Россия» прямо начинается с фразы «Водка – это неотъемлемая часть российской идентичности, её благословение и проклятие» [Ślubowski 2006]. Такие монументальные обобщения были сделаны в статье, посвященной запрету грузинских вин в России.

Интересно, что тема русского православия также в основном вписывается в общую схему рассуждений о восточной природе России, которая, по распространенному в Польше мнению, всё более оживает. В статье «Религия Кремля» (Religia Kremļa) автор пишет: «Православие заменило марксизм как государственная идеология Российской Империи» [Ślubowski 2008].

Важно заметить, что топос «дикий Восток» стал в определенной мере терять свое значение с конца прошлого десятилетия, но с учетом живучести топосов (так же как живучи в культуре фольклорные персонажи), о настоящем забвении этого элемента дискурса говорить рано. Сейчас тема «дикого Востока» отчасти вытеснена, а отчасти накладывается на интерпретации России как империи. С одной стороны, этому способствовало развитие российской экономики в начале века, с другой стороны, это связано с восприятием высшей российской власти как концентрированного зла и преобладающей сейчас персонализацией негативных оценок.

Более позитивны топосы, относящиеся к русскому народу. При этом нужно учесть, что, будучи хорошо осведомленной о многонациональном характере России, в прошлые эпохи польская традиция отделяла от русских, как правило, только литовцев, украинцев и татар. Последние часто становились своего рода олицетворением и объяснением азиатских корней России. И сейчас имеется склонность говорить о русских в целом, выделяя еще лишь татар и чеченцев. Обычно

употребляются слова *gosyjski* и *gosjanie* (русский и россияне), а прочие формы в польской публицистике практически отсутствуют. Слово *guski* употребляется крайне редко. Интересно, что специального негативного или пренебрежительного обозначения (как например, лягушатник, макаронник, лях и др.) для русских у поляков не сложилось – *gusek* (наихудший вариант), *moskal* и другие могут встречаться в устной речи и во вполне положительных контекстах.

Позитивным является топос «Przyjaciele Moskale» («Приятель москалей»). Он связан с контекстами личного нарратива – рассказами о дружеских отношениях, о гостеприимстве, воспоминаниями о встречах и поездках и т.д. В этом контексте упоминаются обычно похожесть культуры и привычек (в том числе вредных, это особенно часто). Соответственно, в основном этот топос присутствует в жанре интервью или очень личных заметок. В частности, в статье с соответствующим заголовком «Przyjaciele Moskale» (Przyjaciele Moskale) польский журналист Г. Щлубовски пишет о своей поездке в Москву: «Несмотря на стереотипы, официальную пропаганду, есть взаимный интерес и немало симпатии. В России тоже можно натолкнуться на людей, которые знают и любят нашу страну. Хотя на официальную политику это не влияет» [Ślubowski 2008]. Автор далее упоминает о том, что в России нет больших энтузиастов «польского вопроса», чем демократические деятели. В этом ключе нередко противопоставления простых обывателей и кремлевских политиков. Однако есть тенденция к тому, что это противопоставление сглаживается по мере того, как усиливается организующая роль в текстах «имперского» и «восточного» топосов, а отношение к русским становится всё более негативным. Примером может быть статья «Маленьчук – приятелям москалям» [Skrzydłowska-Kalukin 2014]. Известный автор песен М. Маленьчук задается вопросом в своей песне «Слуги за папирсы»: «Россияне, россияне, россияне мои, / отважный народ, только власти боится», а также: «Очнитесь братья, с нами спойте, / торгашам из литой стали своей души не давайте». Но там же: «Что же вы, пьяные, в самолет стреляли, / слуги за папирсы мир сжечь готовы». Сам клип, о котором идет в статье речь, включает визуальный ряд из видеозаписей военных парадов и проявлений дедовщины. Автор статьи в журнале «Впрост» в целом справедливо полагает, что М. Маленьчук выражает всё более распространенное ощущение поляков и что не только В. Путин является их врагом, но и сами россияне поляков «довели» [Skrzydłowska-Kalukin 2014]. Всё чаще выражение «приятель москалей» употребляется в негативно-саркастическом и пре-

небрежительном ключе, и это, наряду с наслоением топосов друг на друга, вполне может привести к его деформации.

Схожую с топосами роль в разнообразных, не только публицистических, текстах польских авторов всегда выполнял определенный набор знаковых личностей. Они выполняют функцию навигационных знаков, но имеют более четкие и ясные коннотации. Поляки до сих пор помнят А. Пушкина, Б. Окуджаву и Д. Сахарова, из современных знаковых личностей можно отметить М. Горбачева, М. Ходорковского, Г. Каспарова, Б. Немцова. Но самый обсуждаемый и цитируемый россиянин, безусловно, В. Путин. Пожалуй, за пределами линии противостояния между российской властью и оппозицией среди современников для поляков нет знаковых персон. Этот феномен не связан принципиально с политическим обострением в отношениях России и Запада в 2014 г. и прослеживается уже практически полтора десятилетия. Даже раньше, в 1990-е гг., все знаковые для поляков и упоминаемые в польской периодике личности также были из политической когорты.

Персонализация восприятия других народов является обычным явлением. Это приводит к неизбежным, но порой необходимым упрощениям восприятия. Отмеченная уже тенденция к деперсонализации отношения к России, отказ от сложносоставного восприятия – всё это говорит о том, что информационная война зашла достаточно далеко, на тот глубинный уровень, на котором рождаются стойкие стереотипы, эмоциональная память общества. Зеркальный процесс можно наблюдать и в России.

Негативные материалы польской периодики имеют ярко выраженный очерковый характер, они авторские и эмоциональные. В них всегда можно наблюдать выраженный перлокутивный эффект. Часто эта интенция базируется на склонности массового сознания (нашедшей выражение и в медийной сфере) искать моральную позицию даже в тех вопросах, которые с трудом поддаются моральной интерпретации. Этический компонент вызывает наибольшие искажения и гиперболизации в оценочных текстах.

В настоящий момент, как показывает анализ ключевых топосов «российского дискурса» по материалам польской периодики, происходит их сращивание и появление у них общих коннотаций. При этом можно наблюдать и уменьшение разнообразия коннотаций, что может свидетельствовать о формировании непротиворечивой, а значит, очень упрощенной картины восприятия России в польском обществе в целом.

Список источников

Bielecki T. Rosja twarda, Unia bezradna // *Gazeta Wyborcza*. 21.10.2014. URL: http://wyborcza.pl/1,134154,16836089,Rosja_twarda_Unia_bezradna.html (дата обращения: 15.10.2014).

Były doradca Kremla: System Putina się sypie. Rozmawiał Marcin Wojciechowski // *Gazeta Wyborcza*. 17.05.2012. URL: http://wyborcza.pl/1,76842,11738097,Byly_doradca_Kremla_System_Putina_sie_sypie.html (дата обращения: 15.10.2014).

Cieślak J. Rosja bez korupcji nie istnieje // *Rzeczpospolita*. 15.11.2014. URL: <http://www.rp.pl/artykul/1157004-Rosja-bez-korupcji-nie-istnieje.html> (дата обращения: 15.10.2014).

Gigant karłowaty // *Wprost*. Numer: 35/2007 (1288). URL: <http://www.wprost.pl/ar/112724/Gigant-karlowaty/> (дата обращения: 15.10.2014).

Maziarski W. Polska prawica narodowa na pasku kremłowskiego imperializmu // *Gazeta Wyborcza*. 13.11.2014. URL: http://wyborcza.pl/1,134154,16957743,Polska_prawica_narodowa_na_pasku_kremlo-wskiego_imperializmu.html (дата обращения: 15.10.2014).

Memches F. Szantaż kremłowskich propagandzistów // *Rzeczpospolita*. 25.10.2014. URL: <http://www.rp.pl/artykul/1151914-Szantaz-kremlo-wskich-propagandzistow.html> (дата обращения: 15.10.2014).

Putin na tronie Iwana Groźnego // *Rzeczpospolita*. 13.08.2014. URL: <http://www.rp.pl/artykul/1133134-Putin-na-tronie-Iwana-Groznego.html> (дата обращения: 15.10.2014).

Radziwinowicz W. Wielka porażka Putina // *Gazeta Wyborcza*. 05.12.2011. URL: http://wyborcza.pl/1,76842,10758428,Wielka_porazka_Putina.html (дата обращения: 15.10.2014).

Skrzydłowska-Kalukin K. Maleńczuk do przyjaciół Moskali // *Wprost*. Numer: 34/2014 (1642). URL: <http://www.wprost.pl/ar/463425/Malenczuk-do-przyjaciol-Moskali/> (дата обращения: 15.10.2014).

Ślubowski G. Przyjaciele Moskale // *Wprost*. Numer: 3/2008 (1308). URL: <http://www.wprost.pl/ar/121453/Przyjaciele-Moskale/> (дата обращения: 15.10.2014).

Ślubowski G. Bieriezowski jak Trocki // *Wprost*. Numer: 36/2007 (1289). URL: <http://www.wprost.pl/ar/113169/Bieriezowski-jak-Trocki/> (дата обращения: 15.10.2014).

Ślubowski G. Bojarzy Putina // *Wprost*. Numer: 10/2001 (954). URL: <http://www.wprost.pl/ar/9461/Bojarzy-Putina/> (дата обращения: 15.10.2014).

Ślubowski G. Dyskretny urok caratu // *Wprost*. Numer: 6/2001 (950). URL: <http://www.wprost.pl/ar/9227/Dyskretny-urok-caratu/> (дата обращения: 15.10.2014).

Ślubowski G. Pijana Rosja // *Wprost*. Numer: 31/2006 (1234). URL: <http://www.wprost.pl/ar/>

94215/Pijana-Rosja/?I=1234 (дата обращения: 15.10.2014).

Ślubowski G. Putin na tronie Iwana Groźnego // *Rzeczpospolita*. 13.08.2014. URL: <http://www.rp.pl/artukul/1133134-Putin-na-tronie-Iwana-Grozneho.html>.

Ślubowski G. Religia Kremla // *Wprost*. Numer: 16/2008 (1321). URL: <http://www.wprost.pl/autor/222/Grzegorz-Slubowski/> (дата обращения: 15.10.2014).

Ślubowski G. Sojusz Podległych Państw // *Wprost*. Numer: 45/2000 (936). URL: <http://www.wprost.pl/ar/8410/Sojusz-Podleglych-Panstw/> (дата обращения: 15.10.2014).

Ślubowski G. Władimir Iljicz Putin // *Wprost*. Numer: 15/2002 (1011). <http://www.wprost.pl/ar/12743/Wladimir-Iljicz-Putin/> (дата обращения: 15.10.2014).

Urbanowicz J. Putinbasza // *Wprost*. Numer: 11/2004 (1111). URL: <http://www.wprost.pl/ar/57346/Putinbasza/> (дата обращения: 15.10.2014).

Zielke K. Czy Polska się obroni? // *Gazeta Polska*. Nr 43 z 24 października 2012. URL: <http://www.gazetapolska.pl/24282-czy-polska-sie-obroni> (дата обращения: 15.10.2014).

Список литературы

Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука, 2000. 347 с.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. 776 с.

Панченко А. М. Топика и культурная дистанция // *Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения*. М.: Наука, 1986. 248 с.

Bartmiński J. Stereotypy mieszkają w języku. Wyd. UMCS. Lublin, 2007. 360 s.

Fleischer M. Europa, Niemcy, USA i Rosja w polskim systemie kultury. Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. Wrocław, 2004. 147 s.

References

Aristotel. Poetika. Ritorika. [Aristotle. Poetics. Rhetoric]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 347 p.

Bartmiński J. Stereotypy mieszkają w języku [Stereotypes live in language]. Lublin, UMCS Publ., 2007. 360 p.

Berger P., Luckmann T. Social'noe konstruirowanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [The Social Construction of Reality. A treatise in the sociology of knowledge]. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p.

Fleischer M. Europa, Niemcy, USA i Rosja w polskim systemie kultury [Europe, Germany, the USA and Russia in the Polish culture]. Wrocław, Wrocław Univ. Publ., 2004. 147 p.

Losev A. F. Istorija antichnoj ehstetiki. Aristotel' i pozdnjaja klassika [The History of Ancient Aesthetics. Aristotle and Later Classics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1975. 715 p.

Panchenko A. M. Topika i kul'turnaia distancija [Topics and cultural distance]. Istoricheskaja poehtika. Itogi i perspektivy izuchenija [Historical Poetics. Results and prospects of study]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 248 p.

TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF RUSSIA IN THE MODERN POLISH PERIODICALS

Dmitriy V. Ofitserov-Belskiy

Associate professor in the Department of Humanities
Higher School of Economics (Perm)

In modern Poland, the press has become the main channel of building up the image of Russia. Russian discourse is being rather slowly updated with new symbols, signs and unifying ideas. This is partly due to the fact that the current set of stereotypes about Russia is important for Polish society as an element of its own identity. Representation of modern Russia in the Polish press is quite scant – journalistic rhetoric is largely based on a very limited set of topoi. However, as noted in the article, in recent years there has been deformation of topoi, as well as their superposition on each other, the set of connotations typical of them has been changing, their diversity has been reducing. At the same time, there is a trend towards Russia's image depersonalization – it is simultaneously becoming less variable and negative. Renunciation of deep and structured perception means that the information warfare has gone quite far and the propaganda influences the deepest level, where persistent stereotypes and emotional memory of society arise or transform.

Key words: image of Russia; Poland; the press; social stereotype; propaganda; topos; intercultural communication.